

Никколо Макиавелли

Мандрагора

Комедия в пяти действиях

Действующие лица:

Калимакко.

Сиро.

Мессер Нича.

Лигурио.

Сострато.

Монах Тимотео.

Неизвестная донна.

Донна Лукреция.

Канцона .

Так как жизнь коротка, и много горя, живя и томясь, каждый несет; пробежим и истратим года, следуя нашим желаниям. Кто находит удовольствие жить в тоске и печали, не знает обманов света, не знает, какими бедами и какими странными случайностями подавлены почти все смертные.

Чтобы избежать уныния, мы избрали уединенную жизнь; и всегда мы, влюбленные юноши и веселые нимфы, проводим время в празднествах и радостях. Сюда пришли мы теперь с веселыми песнями, чтобы почтить этот веселый праздник и приятное общество. И еще привлекло нас сюда имя того, кто здесь управляет и в ком видны все блага, соединенные в Вечное. Пользуясь высшей милостью и таким счастливым положением, вы можете жить весело, радоваться и благодарить того, кто вам это дал.

Пролог

Храни вас Бог, благосклонные зрители! Так как эта ваша благосклонность происходит, кажется, от того, что мы вам приятны, то, если вы не будете шуметь, мы хотим вам представить новое приключение, случившееся в этом городе. Смотрите декорацию, которая открыта перед вами. Это ваша Флоренция. В другой раз будет Рим или Пиза. Дело такое, что можно челюсти свихнуть от смеха. Дверь, которая у меня с правой руки, ведет в дом доктора, который изучил под Боецием много законов. Вот эта улица, которая там в углу, есть улица Амура; кто раз упал на ней, тот уже не поднимется. Потом, если ты не уйдешь отсюда очень скоро, можешь узнать по монашескому платью, какой приор или аббат живет в этом храме, который прямо перед тобой. Молодой человек, Каллимако Гваданьи, только что приехавший из Парижа, живет здесь, с левой стороны, за этой дверью. Он между всеми веселыми людьми по заслугам пользуется уважением и почетом за свою любезность. Одна молодая, но осторожная женщина была очень любима им и по этому самому ловко обманута, как вы увидите. Я желал бы, чтобы и вы были так же обмануты, как она. Комедия называется «Мандрагора»; а почему, это, я полагаю, вы сами увидите во время представления.

Сочинитель ее человек не громкой известности; но, если вы не будете смеяться, он готов заплатить штраф. Несчастный любовник, нехитрый доктор, дурного поведения монах, пакостник паразит — вот ваше развлечение на этот раз. Если такое содержание, по своей легкости, не достойно автора, который хочет казаться умным и солидным, извините его за то, что он пустыми вымыслами старается усладить свои печальные дни; он не знает, куда ему обратить свои взоры: ему запрещено показывать свои способности в других работах, он не имеет никакого вознаграждения за труды свои. Одного вознаграждения он ждет, это чтобы каждый держал себя к сторонке и бормотал себе под нос, ругая то, что видит и слышит. От того и зависит, без всякого сомнения, что настоящий век утратил древние добродетели: потому что люди, видя, что всякий бранится, не прилагают стараний и усилий, чтобы, перенося тысячи неприятностей, создавать труды, которые разнесутся ветром или покроются туманом. Но если кто, ругая автора, думает задеть его за живое, испугать или сбить с дороги, я того предупреждаю и скажу тому, что и автор умеет браниться, и что это было его первым художеством, и что он во всех странах света, где звучит «si»¹, не уважил никого, что он проводит и

---

¹ «да» (ит.)

того, кто носит плащ лучше его. Но пусть бранится, кто хочет, возвратимся к нашему делу, потому что время не ждет. Не нужно обращать внимания на слова и бояться чудовища, которое даже существует ли еще, неизвестно. Каллимако выходит из дому, за ним Сиро, его слуга, которому Каллимако расскажет, в чем дело. Будьте внимательны и уже теперь не ждите объяснений.

Действие первое

Сцена первая.

Каллимако и Сиро.

Каллимако. Постой, Сиро, мне тебя нужно кой-зачем.

Сиро. Я здесь.

Каллимако. Ты, я думаю, удивился моему внезапному отъезду из Парижа; а теперь удивляешься тому, что я живу здесь уж месяц без всякого дела.

Сиро. Это вы правду говорите.

Каллимако. Если я до сих пор не говорил тебе того, что хочу сказать теперь, так это вышло вовсе не потому, чтоб я тебе не верил; а я рассуждал так: коли хочешь, чтоб люди не знали чего-нибудь, так и не говори никому без надобности. Теперь я полагаю, что мне нужна твоя помощь, и хочу рассказать тебе все.

Сиро. Я ваш слуга; а слуги не должны ни расспрашивать господ ни о чем, ни соваться в их дела, но когда господа сами что-нибудь поверят им, так уж должны служить верно. Так я поступал, так и впредь поступать буду.

Каллимако. Я это знаю. Уж тысячу раз, я

думаю, ты слышал от меня (да нужды нет, если услышишь и в тысячу первый), как я десяти от роду лет, после смерти отца и матери, был послан опекуном в Париж, где и пробыл двадцать лет. Когда после первых десяти лет моего пребывания там, с вторжением короля Карла, начались в Италии войны, которые разорили эту провинцию, я задумал поселиться в Париже и не возвращаться в отечество, рассудив, что там для меня безопаснее, чем здесь.

Сиро. Это так точно.

Каллимако. Приказав продать все мои имения, исключая дома, я решился остаться там и прожил остальные десять лет счастливейшим образом.

Сиро. Я знаю.

Каллимако. Проводя время, частью в ученье, частью в удовольствиях, и частью в делах, я так расположил свои занятия, что у меня одно другому не мешало. И потому, как ты знаешь, жил очень покойно, помогая всякому и стараясь никого не обидеть; и таким образом, кажется, угодил на всех: на купцов, на дворян, на иностранцев, на французов, на бедных и на богатых.

Сиро. Это правда.

Каллимако. Но фортуне показалось, что мне уж очень весело, и она привела в Париж Камилло Кальфуччи.

Сиро. Я начинаю догадываться о вашем горе.

Каллимако. Его, как и других флорентинцев, я часто приглашал к себе; беседуя между собою, мы однажды заспорили о том, где женщины красивее: в Италии или во Франции. Я судить об итальянках не мог, так как выехал из Италии еще ребенком, — один флорентинец, который тут был, принял сторону француженок, а Камилло — итальянок. После многих доводов с той и с другой стороны Камилло, почти рассерженный, сказал, что хотя б и все итальянские женщины были уродами, довольно одной его родственницы, чтобы восстановить славу итальянок.

Сиро. Уж для меня теперь ясно, что вы хотите сказать.

Каллимако. Он назвал мадонну Лукрецию, жену мессера Нича Кальфуччи; и так расхвалил ее красоту и обращение, что свел с ума некоторых из нас и во мне возбудил такое желание ее видеть, что я, отложив все другие намерения и не думая ни о войне, ни о мире в Италии, решился сюда ехать. По прибытии сюда я нашел, что слава о мадонне Лукреции много ниже действительности, что случается очень редко. И запылал я таким желанием овладеть ею, что нигде себе места не нахожу.

Сиро. Если бы вы сказали мне об этом в Париже, я бы знал, что вам посоветовать, а теперь ничего сказать не умею.

Каллимако. Я не затем говорил, чтобы спрашивать твоих советов, а чтоб облегчить душу и что б ты приготовился помогать мне, если случится надобность.

Сиро. К этому я давно готов; но какую надежду имеете вы?

Каллимако. Увы, никакой или мало! И скажу тебе, прежде всего, против меня самая ее натура честнейшая и совершенно чуждая увлечения любви. Муж у нее очень богат и во всем ей подчиняется; хотя он и не молод, но и не так стар, как с виду кажется. Она не сближается ни с родственниками, ни с соседями, не бывает на вечерах и праздниках, не знает и других удовольствий, которыми обыкновенно развлекается молодежь. Из мастериц ни одна не ходит к ней в дом; горничные и лакеи трепещут ее; так что нет никакого средства к обольщению.

Сиро. Что же, вы думаете, можно сделать?

Каллимако. Нет такого безнадежного дела, где бы не было уж никакой надежды; положим, эта надежда слаба и неосновательна; но, при сильной воле и желании успеха, она такой не кажется.

Сиро. Наконец, какие же основания вы имеете надеяться?

Каллимако. Два. Одно, это простота мессера Ничи, который, несмотря на то, что доктор, но самый легковверный и самый глупый человек во

Флоренции. Другое — желание его и ее иметь детей; живя шесть лет в супружестве, они не имеют ни одного ребенка и при своем огромном богатстве умирают от желания иметь их. Есть и третье: мать ее была женщина из веселых; но и она богата, и я не знаю, как к ней подойти.

Сиро. Что же, вы уж пробовали, пытались сделать что-нибудь?

Каллимако. Да, немножко.

Сиро. Каким образом?

Каллимако. Ты знаешь Лигурио, который постоянно ходит к нам обедать. Прежде он занимался сватовством; потом стал набиваться на обеды и ужины; а так как он забавный человек, то мессер Нича водит с ним тесную дружбу, а Лигурио его обирает; и если не обедает у него, так берет всякий раз деньгами. Я с ним подружился, открыл ему мою любовь; он обещал помогать мне руками.

Сиро. Берегитесь, как бы он вас не обманул; эти лизоблюды обыкновенно не отличаются честностью.

Каллимако. Это правда. Тем не менее, если ты ему поручишь такое дело, в котором есть интерес, то можно надеяться, что он будет служить верно. Я ему обещал изрядную сумму денег, если он успеет; а если и не успеет, он не теряет ни обеда, ни ужина, потому что я ни в каком случае один обедать не могу.

Сиро. Что же обещал покуда?

Каллимако. Он обещал уговорить мессера Ничу ехать с женой на воды в этом мае месяце.

Сиро. Вам-то что из этого?

Каллимако. Что? Мне это нужно для того, чтобы хоть сколько-нибудь изменить ее характер, потому что на водах только и дела, что праздники. Я сам поеду туда и заведу там всякого рода удовольствия, какие только возможно, я не упущу ничего, что коснется блеска и великолепия; сойду с покороче с ней и с мужем. Да как знать. Одно ведет за собой другое, а время довершает все.

Сиро. Это, по-моему, недурно.

Каллимако. Лигурио ушел от меня сегодня утром, он обещал поговорить об этом с мессером Ничей и разговор этот передаст мне.

Сиро. Вот они оба вместе.

Каллимако. Я пойду к стороне, чтобы выждать время поговорить с Лигурио, когда он оставит доктора. Ты иди домой и делай свое дело; коли что мне нужно будет от тебя, я тебе скажу.

Сиро. Я иду.

Сцена вторая.

Мессер Нича и Лигурио.

Нича. Я думаю, что твои советы хороши, я

говорил об этом вчера вечером с женой. Она сказала, что даст ответ сегодня; но, сказать тебе по правде, меня туда не очень тянет.

Лигурио. Отчего?

Нича. Потому что я с насиженного места не очень легко подымаюсь. Потом перетаскивать жену, прислугу, все хозяйство — это мне не по нутру. Да, кроме того, я говорил вчера вечером со многими лекарями: один говорит, чтобы я ехал в Сан-Филиппо, другой в Порретту, третий на Виллу: точно глупые сычи. И сказать тебе по правде, эти доктора медицины сами не знают, что делают.

Лигурио. Вас, должно быть, печалит то первое, что вы мне сказали; потому что вы не имеете привычки терять из виду свою церковь.

Нича. Ошибаешься. Когда я был помоложе, я был большой шатун; не было ни одной ярмарки в Прато, чтоб я там не побывал; нет ни одного замка в окрестности, чтоб я в нем не побывал, я тебе лучше скажу: я был в Пизе и Ливорно. Ух! Что?

Лигурио. Так вы должны видеть пизанскую Карруколу?

Нича. Ты хочешь сказать Верруколу?

Лигурио. Ах, да, Верруколу. А в Ливорно видели море?

Нича. Сам знаешь, что видел.

Лигурио. А во сколько раз оно больше, чем Арно?

Нича. Во сколько раз?... В четыре раза, да больше, чем в шесть, больше, чем в семь, так надо сказать: ничего и не видать, только вода, вода и вода.

Лигурио. Однако, я удивляюсь: столько вы снегу подмочили, а. затрудняетесь ехать на воды.

Нича. У тебя еще молоко на губах не обсохло! Ты думаешь, это шутка — взбудоражить весь дом? Но мне так хочется иметь детей, что я готов на все. Поговори-ка ты с этими лекарями; узнай, куда они советуют мне ехать. Я покуда пойду к жене, мы с тобой еще здесь увидимся.

Лигурио. Хорошо.

Сцена третья.

Лигурио и Каллимако.

Лигурио. Я не верю, чтоб был еще на свете человек глупее этого; а между тем как счастье ему благоприятствует! Он богат, жена у него красавица, умная, благородная, такая, что целым государством правит. Мне кажется, что в браке редко сбывается эта пословица: «Муж да жена, одна сатана». Потому что часто видим человека с достоинствами женатого на дуре, и, наоборот, умную жену за глупым мужем. Но глупость его хоть тем хороша, что для Каллимако есть кой-какая надежда. Да вот

он! Кого ты тут караулишь, Каллимако?

Каллимако. Я видел тебя с доктором и дожидался, когда он уйдет, чтобы узнать от тебя, что ты сделал.

Лигурио. Ты знаешь, что это за человек; мало у него смысла, еще меньше решимости; ему трудно расстаться с Флоренцией. Однако я его подбил, и он мне сказал наконец, что готов на все. Я уверен, что если тебе эта поездка нравится, так мы его утащим; но я не знаю, удастся ли там наше дело.

Каллимако. Отчего же?

Лигурио. Что сказать тебе? Ты знаешь, что на воды ездят люди всякого сорта; может случиться, что туда приедет человек, которому мадонна Лукреция понравится так же, как и тебе, который богаче тебя, да и приятнее тебя. Таким образом выходит дело опасное: как бы так же нам не потрудиться для других. А что будет, если от большого количества искателей она сделается еще неприступнее; или, напротив, слишком развязавшись, возьмется за кого-нибудь другого, а не за тебя?

Каллимако. Я сознаю, что ты говоришь правду. Но как мне быть? Что предпринять? Куда мне броситься? Мне непременно нужно отважиться на какую-нибудь попытку, хотя бы самую решительную, даже опасную, даже преступную, даже бесславную. Лучше умереть, чем жить таким

образом. Если б я мог спать по ночам, если б я мог есть, если б я мог разговаривать, если б я мог находить для себя какое-нибудь удовольствие, я был бы терпеливее и стал бы выжидать время. А теперь уж нет средств; и если какой-нибудь замысел не поманит меня надеждой, я умру во всяком случае. А видя, что мне остается только умирать, я уж не побоюсь ничего, а решусь на какое-нибудь дело гадкое, дикое и бесчестное.

Лигурио. Не говори таких слов, обуздывай свои бешеные порывы.

Каллимако. Ты сам видишь, могу ли я обуздывать их, питая подобные мысли; поэтому необходимо нам отправить доктора на воды или найти какое-нибудь другое средство, чтобы поддержать во мне надежду, хотя бы несбыточную; все-таки она заняла бы мои мысли и умягчила мои душевные страдания.

Лигурио. Ты прав, и я готов хлопотать.

Каллимако. Я этому верю, хотя и знаю, что ваши братья только тем и живут, что людям ловушки ставят. Впрочем, я не думаю быть в числе обманутых, потому что если ты это сделаешь, а я замечу, тогда уж я сам возьмусь за дело; и ты сейчас же потеряешь вход в мой дом, а в будущем надежду получить то, что я тебе обещал.

Лигурио. В моей верности ты не сомневайся; хотя бы в том, о чем я думаю и на что надеюсь, и не